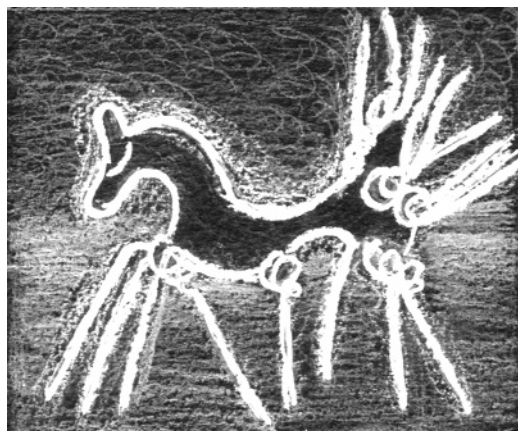

Ольга Моисеева

Золотой сад

— Ух, ты, какой красавец! — обрадовался Артём, вынимая из кармана складной ножик. — Грамм пятьсот.

Артём аккуратно срезал зеленовато-серую «булаву» кропуса и положил её в корзину. Ужин сегодня будет вкусным — хоть какой-то толк от его похода. Может, удастся найти ещё парочку?

Артём на глаз отмерил от кропуса положенные здешним грибам три метра и решительно шагнул к густым кустам рябицы. С азартом заядлого грибника он резко отодвинул раскидистые ветви, но вместо крепкого и сочного братишки срезанного кропуса вдруг увидел яркосиний немигающий глаз. Артём проворно отпрыгнул, нащупывая за ткнувший за пояс пистолет, затем замер, выставив перед собой оружие. Кусты чуть покачивались от прикосновения. Рядом на боку лежала корзина и вывалившийся из неё гриб. Неужели показалось?!

С минуту он колебался, потом медленно приблизился к своему брошенному имуществу. В кустах так ничего и не зашевелилось. Артём взял палку и осторожно отодвинул ею ветви рябицы.

Лихопрутка неподвижно лежала на земле. Воронки, из которых должны были выстреливать смертоносные «прутья», безвольно свисали по бокам её тёмно-серой, с зеленоватым отливом головы. Правый бок животного был покрыт засохшими рыжими разводами. Гребёнки ног распластались в стороны, лихопрутка дышала часто и тяжело.

Чёрт, надо же! Как-то сумела выжить после позавчерашнего отстрела... Артём тронул животное палкой. Тело лихопруги дёрнулось, она открыла глаз, и внизу ярко-синего круга блеснула прозрачная капля. Капля дрогнула и скатилась вниз, в вертикальную прорезь приплюснутого носа. Лихопрутка приподнялась и вяло задвигала гребёнками, пытаясь уползти. По её правому боку потекла рыжая струйка, и Артём заметил, что земля под животным пропитана кровью. Лихо-

прутка издала тихий скрежещущий звук и плюхнулась на брюхо. Из её глаза одна за другой скатились ещё две крупные прозрачные капли.

— Эй, Тёма, поаккуратней! — воскликнул Мискинс, стряхивая с плеча упавший сверху кусок засохшего древесного нароста.

— Извини, Пауль, я тебя не видел, — сказал Артём, спускаясь со стремянки.

— То есть, как это не видел? Я тут уже минут пять торчу, за тобой наблюдаю. Чего-то ты сегодня варёный какой-то. День давно закончился, а ты до сих пор с корой возишься.

— Нет, всё. Это было последнее дерево.

— Ладно, раз уж ты задержался, пошли, поможешь мне удобрения выгрузить.

Артём молча кивнул, и они направились к машине Мискинса.

— Чёрт, да что с тобой такое? — Пауль наклонился, помогая Артёму поднять выпавший из рук мешок. — Опять, что ли, всю ночь свои новые теории выдумывал?

— Да типа того...

— Ну, и как? — в голосе Мискинса проскользнула насмешка.

— Есть кое-какие мыслишки... Проверить надо, — пыхтя, ответил Артём, волочивший мешок в подсобку.

— Ну-ну, проверяй, только так, чтоб это на твоей работе не отражалось, — Мискинс бросил взгляд на тёмные круги под покрасневшими глазами своего единственного работника.

— Это-то не отразится, а вот кое-что другое... — Артём выразительно посмотрел на Мискинса.

— Слушай, Тёма, мы ведь это уже обсуждали! — Пауль недовольно цокнул языком. — Деньги будут только через два месяца, не хочешь ждать — бери «дыню».

Разгрузку они закончили молча, каждый думал о своём. Мысли у обоих были безрадостные. Сад Мискинса постепенно вымирал, с каждым годом принося всё меньше прибыли. Ежедневно Артём готовил специальный раствор удобрений, поливал им губчатые цветки Золотых деревьев, что способствовало увеличению размера плодов, обрзал сухие ветви и смазывал срезы антисептиком. Потом особым образом рыхлил под деревьями почву, очищал кору от высохших наростов и опрыскивал стволы питательным бульоном. Но, несмотря на разные ухищрения, замедлявшие старение Золотых деревьев, их количество неуклонно сокращалось.

«Докатился! — думал Артём, шагая по дороге к дому. — Зарплату продукцией получаю...» — он поправил висевшую на плече сумку с плодом — чёрной, блестящей, чертовски тяжёлой «дыней».

В метрополии эти «дыни» стоили дорого. «Плоды Золотых деревьев Трелона — натуральный продукт непревзойденного качества. Совершенство на вашем столе!» Реклама не грешила против истины. Деревья не зря называли «золотыми», пищевая ценность их плодов дей-

ствительно поражала. Плотная сухая мякоть «дынь» содержала в себе белки, жиры, углеводы, минеральные вещества и витамины в такой идеальной пропорции, что могла полностью обеспечить человека прекрасно сбалансированным питанием. Небольшой кусок плода надо было всего лишь залить обычной питьевой водой, чтобы через пару минут получилась кастрюля густой вкуснейшей каши, по калорийности равной полноценному суточному рациону человека. Исключительно прочная кожа и сухость мякоти не позволяли плодам портиться в течение многих лет, так что они легко могли заменить любые консервы.

«...он дал мне попробовать. Это просто супер! Лучше этих плодов нет ничего!» — мысленно услышал Артём свои слова семилетней давности.

«Ну и что с того? Что с того? — Маша с досадой тряхнула головой. — При чём тут вообще эти плоды? Я тебе про Ерёму, а ты мне про Фому!»

«Я просто хочу, чтобы ты поняла перспективу, а ты ничего не желаешь слушать и только злишься!» — Артём едва сдержался, чтобы не повысить голос.

«Да, злюсь! А чего ты ждал? Что я приду в восторг? Мы столько копили эти деньги, а ты хочешь одним махом ухнуть всё, подчистую! И на что? Участок в какой-то глуши!»

«Да почему в глуши? На Трелоне уже строятся города, и через пару лет это будет одно из самых шикарных мест! Но ехать надо сейчас, пока всё только начинается! Потом цены взлетят до небес! Я не могу упускать такую возможность, это мой шанс, понимаешь?»

«Вот именно, что твой!.. А обо мне ты подумал? У меня здесь мама, работа, друзья!»

«Мама сможет переехать к нам. Чуть позже, когда мы...»

«Чуть позже! Угу! А если на этом твоём Трелоне всё окажется не так, как ты думаешь?!»

«Не окажется!!!»

«Понятно». — Маша отодвинула тарелку с салатом, взяла сумочку и встала из-за стола.

«Подожди, ты куда? А горячее? Я заказал твои любимые тефтели...»

«У меня сегодня разгрузочный день!»

Она вышла из кафе и больше не вернулась... В городском подземном туннеле обкурившийся молодчик вдруг решил сам порулить на скорости, запрещённой при ручном управлении... В той автокатастрофе погибло пять человек...

Когда Машу хоронили, целый день, до самой ночи, шёл крупный, сильный дождь. Он барабанил по машинам, зонтам и крышке закрытого гроба, пока Артём стоял у свежевырытой могилы, и думал о том, что не начни он тогда разговор о Трелоне, Маша оказалась бы в этом проклятом туннеле на час позже...

Потом были поминки, и он сидел за столом, тупо глядя в свою тарелку. Кто-то что-то говорил, а капли снова и снова били по карнизу — бесконечный, размеренный стук...

Через полгода Артём понял, что больше не может находиться в квартире, где каждая вещь помнит Машины прикосновения, и жить в этом сыром, промозглом городе, где слишком часто идут затяжные дожди. За три дня он собрался и отбыл на Трелон. К тому времени все участки с рощами Золотых деревьев были уже раскуплены, но агрономы и специалисты-биологи всё ещё требовались.

И вот теперь он седьмой год торчит на этой планете, отказываясь верить, что тот шанс, который он когда-то так не хотел упускать, оказался полной фикцией. Артём ускори́л шаг, и «дыня» стала больно бить его по боку. Впереди уже показался его дом — маленькая хибара с небольшим участком земли. Действительно, глушь. Самая настоящая. Когда к нему последний раз кто-то заходил?..

Год назад, может, чуть больше... Это была Анита.

«...Поехали со мной, Артём!» — она взяла его за руки.

«Не могу, Нита. Сейчас не могу. Может быть, потом...» — Он легонько пожал её ладони и отпустил.

«А может быть, никогда?» — её черные глаза смотрели прямо в его.

«Послушай, Нита...»

«Не надо! — она усмехнулась. — Я и так знаю, что ты скажешь. Ладно, я ухожу, мне надо собираться! — усмешка исчезла, и голос Аниты стал неприятно пронзительным. — А ты оставайся! Сиди здесь и делай вид, что сможешь всё наладить. Что ты звал её в рай, а не в забытую Богом дыру!»

Это был удар ниже пояса. Артём встал со стула и распахнул входную дверь. Анита молча вышла.

Больше он с ней не встречался, впрочем, как и с другими женщинами. Да и не с кем было, даже если б вдруг захотел. Анита улетела, когда большинство колонистов давно уже покинули Трелон.

Лаборатории закрылись, за научные исследования больше никто не платил, и Артём вынужден был работать в саду Мискинса как обычный батрак, чтобы иметь возможность продолжать свои изыскания. Вечерами, в свободное от дел по хозяйству время и по ночам он с маниакальным упорством в тысячный раз изучал почвы, изобретал питательные смеси, выдерживал в них ядра и черенки. Тщетно. Получить всходы не удавалось, укоренить отпрыски — тоже.

Росли Золотые деревья исключительно рощами на берегах трелонских рек, и молодая поросль в этих рощах появлялась только до тех пор, пока они были дикими. Каждое дерево к двум годам достигало зрелости и активно жило в среднем пять лет, потом старело и начинало одну за другой терять плодоносные ветви. Когда Трелонские агрономы поняли, что решить проблему можно, только изучая деревья в естественных условиях, такими, какими они были до вмешательства людей, диких рощ уже не осталось, а жертвовать своими личными деревьями ради научных исследований на благо всех, никто, разумеется, не собирался.

В первые годы активного освоения Трелона люди изредка натывались на отдельно растущие в лесу молодые деревца, и каждый раз такие находки оборачивались бедой. Двое колонистов заплатили за них

жизнью, подвергшись нападению лихопруток. Каждый раз эти звери оказывались неподалёку от ростков, словно специально сидели в засаде, охраняя их от непрошенных гостей...

Толку от обнаруженных молодых деревьев не было. Забитые другими растениями, все они имели крайне чахлый вид, и попытки их пересадить неизменно заканчивались неудачей. Все найденные тогда саженцы погибли, а новых больше не попадалось.

Тем не менее Артём, вооружившись пистолетом, регулярно ходил в лес, в надежде разыскать такой росток. Вчера вечером он предпринял очередной поход.

Артём толкнул калитку и вошёл во двор, на ходу доставая ключи. Бросив сумку с плодом на крыльце, он направился к старому сараю. Чуть поодаль давно уже стоял новый, а этот Артём собирался снести, да всё руки не доходили. А теперь вот это ветхое сооружение неожиданно пригодились. Он отпер дверь и вошёл.

— Жива!

Артём остановился возле самодельной клетки, собранной из скрученных проволокой кусков металлической сетки, оставшихся от строительства загона для птичек.

Лихопрутка подтянула под себя гребёнки ног и с трудом приподнялась, глядя на своего спасителя блестящим синим глазом.

— Ну, что ж, давай посмотрим, — Артём присел на корточки, разглядывая правый бок лихопрутки. — Кровь больше не идёт, рана затягивается, — заключил он, поднимаясь. — Отлично!

«Отлично?» — он покачал головой, удивляясь самому себе. Это же надо, притащить в дом раненую лихопрутку и, рискуя собственной жизнью, её лечить! Вчерашняя идея, что она сможет показать ему место, где есть молодой росток Золотого дерева, сегодня казалась совершенно безумной. Ну, допустим, она выздоровеет, и что дальше? Как он выпустит её на свободу? Нельзя же просто взять и открыть клетку! Для такого опасного животного нужен большой закрытый контейнер, в котором можно привезти её в лес и дистанционно отпереть замок на дверце... А потом ещё надо будет следить за ней, да так, чтобы лихопрутка его не обнаружила... Да-а, задал он себе задачу...

Стараясь держаться от клетки на расстоянии, он взял заранее приготовленную в углу лейку и, просунув носик через сетку, налил воды в стоявший в клетке таз.

Лихопрутка тут же заскрежетала, повернула воронки в сторону таза и медленно, с видимым трудом вытолкнула наружу один «прут». Он с тихим плеском опустился в таз, и вода стала убывать, перетекая в расположенный под воронками кожаный мешок лихопрутки. Вытащив «прут» из воды, животное выпустило второй и ткнуло обоими в лежащий неподалёку клубень бобовицы. Спустя минуту от клубня осталась только пустая, продырявленная кожица. Лихопрутка кое-как втянула прутья в воронки, легла и закрыла глаз.

До самой ночи Артём занимался обычными делами по хозяйству: промыл из шланга птичек, вычистил их ямы и насыпал туда свежее-

нарубленных стеблей грушевой травы; полил огород, подрезал вытянувшиеся плети бобовицы. Полученный от Мискина плод он убрал в подпол, где хранились запасы овощей. На чёрном блестящем боку «дыни» выделялось зелёновато-сиреневое матовое пятно в форме толстой запятой. Такой природный рисунок с удивительной точностью повторялся на всех плодах Золотых деревьев, растущих в одной роще. В саду Пауля это была «запятая», у Пинго Ройсы, владевшего соседним садом — «гриб», в другой роще — «галочка»... На ощупь пятна ничем не отличались от остальной кожуры и никак не влияли на качество плодов. Артём положил «дыню» на полку, взял из стоявшего рядом ящика несколько клубней бобовицы и отнёс их в старый сарай.

Лихопрутка тихо лежала в клетке и казалась совсем не опасной. Глядя на неё, Артём подумал, что по сути своей, эти твари — обыкновенные животные, которые жили на Трелоне испокон веков. Но вот на планету явились люди, и все трелонские обитатели, питавшиеся плодами Золотых деревьев, в мгновение ока лишились своего любимого лакомства. Люди огородили рощи и стали тщательно охранять их от любых посягательств. Среди охотившейся за плодами живности, лихопрutki были самыми агрессивными, и большинство из них истребили сразу, а оставшихся периодически отстреливали, стоило им только приблизиться к рощам. Те животные, что сумели избежать расправы, ушли в леса. Став хитрее и осторожнее, они не упускали случая напасть на человека, словно мстили за смерть своих сородичей. Щупальца-«прутья», которые прежде использовались, чтобы пробивать сверхплотную кожу золотых плодов, теперь превратились в орудия убийства: звери вонзали их в живую плоть и высасывали жертву, как паук — муху.

Артём проснулся от громкого шума и воя птицеков. Прихватив пистолет, он выскочил во двор и включил прожектор. Над загоном вспыхнул яркий свет, выдернув из мрака птицека с перегрызенным горлом, а над ним — вытянутую зелёную морду с двумя жёлтыми глазами и узкой пастью, полной мелких, острых как иглы, зубов. Артём вскинул пистолет, но в тот же миг понял, что стрелять ему не придётся. Растерзавший птицека куродрал был мёртв — глаза его остекленели, пасть застыла в неподвижном кровавом оскале, а тело распласталось по земле, неестественно прогнувшись чуть ниже шеи. В следующий миг Артём увидел, что из спины куродрала торчит тонкий гибкий прут. Раздался громкий скрежет, и оставшиеся в живых обитатели загона мгновенно попрыгали в свои ямы. На открытом пространстве остались три убитых хищниками птицека и два куродрала, проткнутые хорошо знакомыми Артёму щупальцами-«прутьями». Сама лихопрутка стояла с наружной стороны загона. Хитро, как показалось Артёму, сверкнув ярко-синим глазом, она замолчала и резко втянула щупальца внутрь воронок. Тела куродралов дрогнули, а следом звякнула металлическая сетка.

— Вот, чёрт! — пробормотал Артём, пытаясь сообразить, что теперь делать.

Лихопрутка вновь заскрежетала — на этот раз тихо и вроде даже ласково — и направилась к человеку. Артём попятился, наставив на неё пистолет. Лихопрутка остановилась. Её глаз чуть сузился, воронки развернулись в стороны, так что казалось, будто она улыбается.

С минуту человек и животное не шевелясь смотрели друг на друга, потом лихопрутка снова двинулась к Артёму. Тот продолжал держать её под прицелом, хотя уже понял — она не собирается нападать. Не обращая внимания на оружие, лихопрутка приблизилась к его ноге и вдруг... потёрлась головой о сапог совсем как обычная земная кошка!

Артём изумленно хмыкнул и медленно опустил пистолет.

Лихопрутка приподняла переднюю часть туловища и прижалась животом к коленям человека, глядя на него снизу вверх. Теперь она больше походила на собаку.

За полторы недели, прошедшие с того дня, когда Артём принёс её из леса, лихопрутка заметно окрепла. Рана затянулась, впалые прежде бока округлились, тёмно-серая с зеленоватым отливом кожа стала ярче и приобрела здоровый блеск.

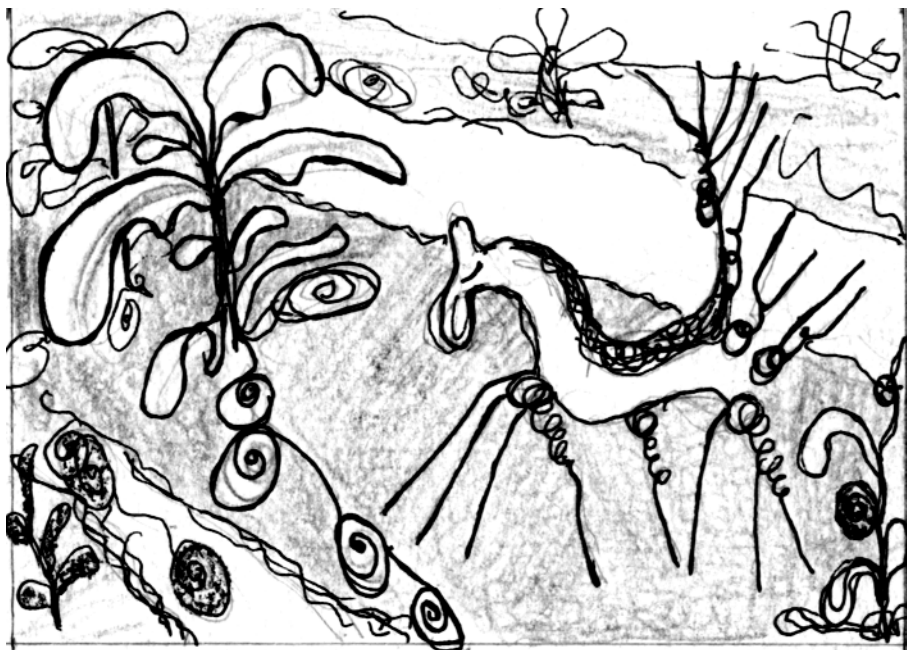
Артём осторожно протянул руку и, немного помедлив, погладил лихопрутку по шее позади воронок.

Следующие несколько вечеров ушли на перенос загона в другой конец двора. Куродралы приходили из-под земли и если оставить всё как есть, то через прорытые ходы придут новые хищники. В старом загоне на место переселённых птицеков Артём заложил в ямы приманку с ядом, чтобы куродралы-разведчики, вернувшись в гнездо, отравили всех его обитателей.

Мёртвых хищников и одного из убитых птицеков Артём отдал на съедение лихопрутке, радуясь, что ближайшие несколько дней не придётся ломать голову, чем кормить своего свалившегося как снег на голову питомца.

Поздним вечером накануне нападения куродралов Артём долго лежал без сна, размышляя, как осуществить то, ради чего он затеял всю эту возню с лихопруткой. Она полностью выздоровела, и пора было приступать к выполнению второй части намеченного плана. Пока Артём придумывал, где взять необходимое оборудование и грузовик, чтобы вывезти лихопрутку в лес, та уже нашла свой собственный способ решения возникшей проблемы. Оторвав две половые доски, она начала энергично рыть землю и к тому времени, как Артём уснул, так и не придумав ничего дельного, уже прокопала дыру под железной сеткой и стеной сарая.

Убегать в лес, как выяснилось, она вовсе не собиралась и, прибравшись наружу, принялась бродить, исследуя небогатое хозяйство Артёма, пока не столкнулась с куродралами. Позже он обнаружил её следы по всему двору и был немало удивлен тем, что лихопрутка не разорила огород, хотя и топталась возле грядок.

Сегодня Артём возвращался из сада гораздо позже обычного. День выдался не из лёгких. Да, что там «не из лёгких», день был просто сумасшедшим! Утром Мискинс огорошил его известием, что получил наследство и улетает на Хафиус, а к вечеру Артём лишился своих последних денег.

— Крабовые поля, Тёма, ты можешь себе представить?! Сто гектаров готовых крабовых полей! А я даже не помню, как выглядит, то есть выглядел, этот мой двоюродный или, чёрт, кажется даже, троюродный дядя!

— И что, он всё завещал тебе?

— Нет, не всё, только поля! Ну, так мне и этого для счастья хватит! Ух, заживу! — Мискинс звонко хлопнул себя по ляжкам. — Послезавтра улетаю.

— Как послезавтра? — Артём обалдело уставился на Пауля. — Подожди, а сад?

— Сад я продаю Пинго Ройсе, уже договорился. Только вот... Знаешь, тут такое дело, — Мискинс заёрзал, — понимаешь, у него ведь свои люди скоро без работы останутся, так что...

— Так что ты меня увольняешь, — продолжил за него Артём.

— Извини, Тёма.

— Послушай, Пауль, а ты ещё можешь отменить сделку?

— Артём, — Мискинс откинулся на спинку стула, — я понимаю, ты — хороший работник, но...

— Да я не о себе, я о саде! Если ты ещё не получил с Ройсы деньги, то лучше продай рощу мне!

— Тебе?! — Мискинс удивленно воззрился на Артёма.

– Ну да! У меня есть кое-какие сбережения. Сколько ты хочешь?

– Ну ты, Тёма, даёшь! Тебе-то зачем это нужно? – Мискинс нахмурился и теперь смотрел на Артёма с подозрением. – Гиблое же дело! Лучше купи на эти деньги билет и лети отсюда подальше. Что ты здесь собираешься ловить, а?

– Сколько ты хочешь за сад?

Мискинс пожал плечами и назвал цену. Этим же вечером Артём отдал ему деньги, которые в течение семи лет откладывал на чёрный день.

Артём отпер калитку и вошёл во двор. Полчаса назад он стал владельцем роши и теперь умирающий сад и вот этот домишко с простеньким хозяйством – всё, что у него есть. Очередное безумство. Хобби, что ли, у него такое – совершать поступки один другого нелепее, думал Артём, направляясь к старому сараю.

Услышав, как открывается дверь, лихопругка весело заскрежетала. С той памятной ночи, когда она так неожиданно бросилась на защиту живого имущества Артёма, минуло двадцать дней, и за это время он успел здорово к ней привязаться. Лихопругка оказалась весьма соблазнительным животным и легко усвоила установленные человеком правила проживания. Артём назвал её Дусей – в детстве он жил в мегаполисе, где за содержание домашних животных взимались такие непомерные налоги, что родители Артёма не могли позволить сыну завести даже хомячка, и он страшно завидовал соседскому мальчику, у которого была овчарка Дуся.

«Что ж, вот и сбылась мечта идиота!» – усмехался Артём, ласково поглаживая лихопругку Дусю вокруг воронок. Дуся щурилась и подставляла то одну щёку, то другую. Своим поведением она, и правда, сильно напоминала собаку: радовалась, когда Артём приходил с работы, всюду следовала за ним хвостом и любила, когда её гладят.

Пока хозяин был дома, ей разрешалось свободно гулять по двору, а уходя на работу, он запирали её в клетке в старом сарае, чтобы никто случайно не увидел его необычного домашнего любимца. И хотя гостей у Артёма давно уже не бывало, всё же он не хотел рисковать – уж больно люто те, кто ещё остался на Трелоне, ненавидели лихопругок. Пол под клеткой пришлось укрепить – в дело пошли все куски и обрезки железа, что нашлись в хозяйстве Артёма. Его питомица на удивление спокойно относилась к этому ограничению свободы и по утрам сама заходила в клетку.

План по поиску ростка с треском провалился. Много раз Артём выводил Дусю в лес, но всё без толку. «Ищи! Давай, иди! Ищи Золотое дерево!» – без конца повторял он, подталкивая лихопругку к ближайшим кустам, но она только непонимающе смотрела на своего хозяина, изо всех сил упираясь гребёнками в землю...

Вечерами, после ужина, Артём играл с Дусей и даже научил её выполнять команды «лежать», «голос» и «к ноге». Последняя команда выполнялась Дусей особенно рьяно: она всем телом прижималась к сапогу и висла на нём, не давая и шагу ступить. В этот момент она вы-

глядела так забавно, что Артём просто не мог удержаться от смеха...

Сегодня он отсутствовал гораздо дольше обычного, и Дусиной радости от того, что хозяин наконец вернулся, не было предела. Она принялась так неистово прыгать по клетке, что опрокинула таз с водой и сама завалилась на спину, поскользнувшись на разлитой луже. Помога ей перевернуться, Артём вдруг увидел на светло-сером животе лихопрутки зелёновато-сиреневую запятую, в точности такую же, как на той «дыне», что лежала у него в подполе. Пятно находилось во впадине возле внутренней стороны одной из гребёнок — не удивительно, что он не замечал его раньше...

«Нет, это не может быть случайным совпадением! — размышлял Артём, доставая из подпола плод. — Слишком уж точно форма пятна на животе лихопрутки повторяет этот рисунок, — он впился взглядом в запятую на боку «дыни», — даже размер точно такой же! Наверняка тут существует определённая связь, надо только понять, как её выявить...»

Следующим вечером Дуся получила такой подарок, о котором и не мечтала.

Артём думал, что она собьёт его с ног, когда он с плодом в руках откроет клетку, но ничего такого не произошло. Увидев «дыню», лихопрутка осталась на месте и, выпустив «прут», упёрлась им в пол, исподлобья следя за тем, как хозяин заходит в клетку. Артём положил напротив неё плод и, взглянув на Дусю, изумлённо ахнул. «Прут», которым она упиралась в пол, изменился, превратившись в короткую, толстую трубку с тонкими, полупрозрачными стенками. Лихопрутка подскочила к плоду и вторым, нормальным на вид щупальцем мгновенно надрезала твёрдую кожуру, а потом ввинтила трубку в центр мякоти и потянула оттуда что-то тёмное и круглое. «Ядро!» — понял Артём, наблюдая, как шарик медленно движется внутри трубки. Как только ядро закончило свой путь, щупальце-трубка приобрело вид обычного «прута», и Дуся принялась высасывать мякоть плода так, как делала это всегда.

Поражённый увиденным, Артём стоял с открытым ртом. Ядра Золотых плодов были твёрдыми как камни, и он просто не мог себе представить, как их можно переварить. Покончив с плодом, лихопрутка бросилась к хозяину, ткнулась мордой ему в руку, потом в бок, в ноги и устремилась прочь, мимо него на улицу. Артём вышел за ней. Лихопрутка носилась по двору, быстро обследуя каждый его уголок, словно что-то искала. Временами она останавливалась и принималась скрести гребёнками землю. Эта беготня с рытьём продолжалась, пока Дуся не выбилась из сил. Тогда, жалобно проскрежетав, она поплелась в сарай. «Что же это было такое?» — озадаченно думал Артём, наблюдая, как Дуся заходит в клетку и ложится на пол. Он подошёл и присел рядом с ней на корточки. Дуся вздохнула и закрыла глаз. Вскоре она уснула. Какое-то время Артём смотрел, как она тихо посапывает, раскинув гребёнки в стороны. Наверное, не стоило отдавать ей сразу весь

плод... столько калорий... возможно, она просто переела... Особенно, если учесть, что люди давно уже отучили лихопруток питаться так, как было задумано Трелонской природой... Он встал и вышел, оставив дверь открытой.

Ночи Дуся обычно проводила на улице, а с рассветом возвращалась в клетку, где Артём и запирает её, уходя на работу.

Но этим утром Дуси в сарае не было. Артём нашёл её во дворе, возле забора. Она лежала на боку, и с ней явно было что-то не так. Увидев человека, лихопрутка приподняла голову, и Артём заметил, как блеснули на её морде мокрые дорожки.

Он опустился возле неё на колени, и Дуся тихо, жалобно заскрежетала, уткнувшись носом ему в ноги. Она дышала мелко и прерывисто.

«Ну, что, выявил связь? — зло подумал Артём, глядя лихопрутку по сухой и горячей спине. — Похоже, ты её просто отравил! Предложил райское лакомство, называется! Тебе это ничего не напоминает? Ты ведь уже как-то предлагал рай, помнишь?.. Такую связь ты искал?..»

«Нет!! — Он рывком поднялся и мотнул головой, решительно прогоняя эти жестокие и пустые, уводящие в глухую безысходность, мысли. — Нет! Не мог я отравить Дусю! Эти плоды лихопрутки ели всегда! Они до сих пор приходят к рощам и пытаются туда проникнуть, чтобы...»

И вдруг его словно током ударило. Ах, чёрт! Так вот что вчера пыталась найти Дуся!

«Лихопрутки должны жить в рощах Золотых деревьев! — осенило Артёма. — Они не просто приходили есть плоды, они — часть системы! Вот она, связь! Каждая лихопрутка связана со своей рощей! Не зря у Дуси это пятно! Сад Мискинса, мой сад! Только там есть то, что ей нужно! Проклятье, какой же я идиот!!»

Он подхватил Дусю на руки и бросился к гаражу, пристроенному позади дома.

Видавший виды внедорожник завёлся, как всегда, не сразу. Наконец, мотор прочихался и, громяхая на кочках, машина выехала из двора.

— Ну, давай же, ржавый драндулет! — вскричал Артём, ударяя по газам. — Покажи, на что ты ещё способен!!!

Восходы на Трелоне были долгими. Огромное розовато-жёлтое светило медленно поднималось над горизонтом, заливая сад косыми лучами.

Артём остановился возле высокого, молодого дерева, набравшего первые тёмно-сиреневые бутоны, похожие на крепко сжатые кулаки. Рядом росли деревья постарше, уже увешанные большими, блестящими на солнце плодами. Да, ему есть, что показать Ясуси Таканори. Роща простиралась на километры, и он встал сегодня пораньше, чтобы успеть выбрать не слишком длинный и наиболее впечатляющий маршрут, по которому он проведёт Таканори. Владелец крупнейшей корпорации, занимавшейся торговлей продуктами питания, изъявил же-

лание перед подписанием контракта лично посмотреть один из садов. Видимо, обязуясь закупать плоды исключительно у Артёма Громова, Таканори хотел убедиться, что тот сможет обеспечить должные объёмы поставок.

Артём двинулся дальше. Неподалёку от одного из старых деревьев свечой торчал толстый и плотный зеленовато-сиреневый росток, уже готовый раскрыть свой первый лист. Росток взошёл этой ночью и выглядел точно так же, как тот, самый первый...

Артём до сих пор помнил каждый миг того замечательного утра.

Дожди на Трелоне случались не часто, но той ночью, десять лет назад, шёл настоящий ливень, и Артём почти не спал, слушая непрерывный стук капель, а едва рассвело, отправился в рощу. Весь сад блестел от влаги, крупные кожистые листья и плоды так сияли на солнце, что казались и вправду золотыми...

Росток он заметил сразу, ещё издали. Вот уже несколько дней Артём с пристальным вниманием следил за этим местом у самого слабого дерева, потерявшего почти все плодоносные ветви. Неделю назад Дуся закопала тут ядро. То самое, что проглотила тогда, в сарае. Ядро благополучно вышло из неё естественным образом, после того, как она из последних сил доползла до дерева и, воткнув шупальце в нарост на стволе, выпила скопившийся там сок. Как только нарост сморщился и отвалился, Дуся принялась копать. Она была так слаба, что еле возила гребёнками по земле, но с задачей всё-таки справилась. Ядро упало в ямку, вырытую среди переплетения корней...

Теперь Дуся стала совсем старой и уже не выходит из вольера, где целыми днями лежит на солнышке, наблюдая, как резвится многочисленный молодняк...

Когда Артём вышел из сада и направился к административному зданию, до начала рабочего дня оставалось ещё полчаса.

— Здравствуйте, Артём Валентинович! — его помощница уже сидела за своим рабочим столом.

— Здравствуй, Ливия, хорошо, что ты здесь.

— Стараюсь. Хотя раньше вас всё равно невозможно явиться, — улыбнулась Ливия Марко. — Сделать вам кофе?

— Сделай. И не забудь, — Артём взглянул на часы, — через сорок пять минут я должен вылететь в космопорт встречать Ясуси Таканори.

— Разумеется. Я только что всё проверила. Флаер готов. Пилот ждёт.

Об авторе

Молодая писательница Ольга Моисеева родилась и живет в Москве. Высшее образование получила в Московском Авиационном Институте. Литературным творчеством занимается с 1997 года, пишет стихи и прозу. Публиковалась в интернете, в газете «Тайная сила», в журнале РБЖ «Азимут». Член международного союза писателей «Новый Современник».